

М. Г. КРАМАРОВСКИЙ

МАНГУПСКАЯ НАХОДКА: СЕЛЬДЖУКИДСКИЕ ОТРАЖЕНИЯ В КРЫМУ И НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

В сезоне 2005 г. в центральном нефе Мангупской базилики (раскопки А.Г. Герцена и Н.И. Барминой) открыто два погребения №№ 481 и 482 [1, с. 267-277]. В одном из них – погребении 482 – обнаружено мужское захоронение с поясным набором, атрибуции которого мной было посвящено предварительное сообщение [2, с. 278-296; 3, с. 224-226]. Погребение зафиксировано на стратиграфически важном горизонте раскопа 2005 г. – нижней границе «слоя погребений» и, как можно понять из контекста, датировано (по стратиграфии же) последним периодом существования базилики – концом XIV – началом XV вв. [1, с. 270, 271]¹.

В настоящей статье основные положения предварительного сообщения дополнены наблюдениями, призванными вновь привлечь внимание к малоазийско-крымской (малоазийско = анатолийской) гипотезе происхождения новой находки и проанализировать механизмы отбора поясных украшений «белореченского типа» инокультурной средой золотоордынского Крыма и Северного Кавказа.

В археологической литературе поясные украшения из Белореченского могильника, открытого А.И. Веселовским в 1896 г. [4, с. 48-52], известны, главным образом, по систематизации материалов могильника В.П. Левашовой [5] и атрибуционной гипотезе для одной из групп находок К.А. Ракитиной [6, с. 209-216]. О материалах эрмитажной части Белореченской коллекции приходилось писать и мне [7; 8, с. 130-138].

Существенно, что новая находка – поясной набор из мужского погребения № 482 Мангупской базилики в Горном Крыму, он оказался не только сопоставим, но и однокультурен с поясным набором из женского погребения

¹ Мотивация датировки, как мне показалось, выражена не вполне отчетливо, но главным образом смутила мысль о нехристианском обряде захоронения с поясным набором в центральном секторе христианской базилики на том основании, что вещевой комплекс захоронения имеет ближневосточные черты.

кургана № 8 Белореченского могильника на Северном Кавказе (раскопки Н.И. Веселовского в 1896 г.) [4, с. 48-52].

Описание крымской находки; реконструкция и аналогии. Гарнитура мангупского пояса состоит из шестнадцати предметов (рис. 1). В нее вошли: пряжка с овальной рамкой приемника и прорезью для крепления шелковой (?) ленты основы, наконечник, две фестончатые односторонние обоймицы с подвесками для крепления ножен оружия, «большая» двусторонняя обоймица с изображением всадника, четыре поперечные накладки с изображением узла «счастья» и семь подтреугольных накладок с цветочным узором. Все детали выполнены из низкопробного серебра с позолотой, нанесенной способом амальгамирования.

В реконструкции пояса некоторое затруднение вызывает определение места большой обоймицы в общей системе украшений. Тимуридская миниатюра дает основание для реконструкции, где эта бляха чаще всего помещается под грудью героя по продольной оси костюма [9, р. 55 (Багдад, 1396), cat. no. 13; р. 59 (Шираз, 1397-98), cat. no. 16b; р. 61 (Иран или Центральная Азия, около 1400 г.), р. 105 (Шираз, 1436 г.), cat. no. 30; р. 125 (Герат, 1425-30 гг.), cat. no. 42; р. 163 (Герат, 1445-46), cat. no. 32; р. 167, 220 (Герат, 1467-68), cat. no. 147; р. 243 (Иран или Центральная Азия), cat. no. 136; 10, с. 97, 99, 117, 139, 155 и др. (Герат, 1431 г.); 11, р. 56, ill. 26, р. 72, 74, 104, 126 и др.]. Однако есть и другие варианты, например, размещение бляхи у бедра [9, р. 105 (Шираз, 1436 г.), cat. no. 30; 10, с. 118 (Герат 1431 г.); другие случаи см.: 12, р. 162, 163, fig. 189, 190 (вероятно, Тебриз, 1330-е гг.), р. 182, fig. 215 (вероятно, Тебриз, 1330-е гг.)]. Миниатюрист не всегда акцентирует внимание на разнице в размере блях, и наиболее выразительный пример изображения поясов с тремя крупными фестончатыми обоймицами можно видеть на миниатюре первой половины XIV в. из Тебриза (?) со сценой ханского награждения из собрания в Берлине [13, S. 259, № 287].

Мы уже назвали поясной набор из кургана № 8 Белореченского могильника в числе ближайших аналогий мангупской находке (рис. 2). Прежде всего, обратим внимание на типологическое сходство белореченского и мангупского поясов, близость или даже тождественность формы и декора пряжек и концевых накладок (другие совпадения в деталях будут отмечены ниже). Среди родственных деталей поясной гарнитуры из Белореченского могильника в собрании Эрмитажа отметим серию серебряных с позолотой концевых накладок (Эрмитаж, Инв. № ТБ104; ТБ382; ТБ433; ТБ582; ТБ583; ТБ584) [14, с. 92, 97, кат. № 114-116; с. 93-96, кат. № 108]. К этой группе тесно примыкают золотые концевые накладки от стрелкового пояса Симферопольского клада [14, с. 83, 324, кат. № 527] и находка из Болгар [14, с. 243, кат. № 113]. Вместе с тем, необходимо отметить, что отдельные формы, характерные для серебряного поясного набора из Белореченского кургана № 8, например, обоймица с шарнирной петлей, известны по находке из курганного могильника у села Чегем II (могильник 3, курган 6) в Кабарде [15, с. 157, рис. 1, бляшка 10; 16,

с. 31]. Отличительная особенность этой находки – глубокая редукция орнаментальных деталей, указывающая на подражательный характер предмета, изготовленного непрофессиональным златокузнецом или литейщиком. Могильник 3, где была обнаружена чегемская золотая обоймица, датирован XIV-XV вв., и, следовательно, хронологически близок Белореченским курганам. Близкая по форме концевая накладка, но с цветочным узором и другим типом пальметты в декоре ажурного язычка, найдена в составе находки 1907 г. в селе Ново-Михайловское близ Туапсе, где обнаружены и две пряжки, подобные пряжкам мангупского и белореченского поясов [17, с. 101, рис. 35,5,2,4]².

Определение сюжетных сцен. Большая обоймица не несет функциональной нагрузки и, возможно, своей величиной и сюжетным декором лицевой и тыльной пластин акцентирует внимание на статусе владельца. Лицевая пластина мангупской находки на 2/3 занята прорезным кабошоном, выполненным в технике литья с последующей доработкой резцом и позолотой. Центральное место здесь занимают изображения всадника (влево) и его коня в движении рысью. Всадник в трехчетвертном развороте с поводом в левой руке; его правая рука вытянута над головой коня. На всаднике длиннополый халат с правым запахом³; на голове островерхая шапочка; из-под нее на спину героя ниспадает длинная коса. Слева у стремени (?) или, скорее, у ноги всадника – фигура бегущего (?) человека, возможно, привязанного за руки к передней луке седла.

Стремительность передвижения человека широкими прыжками подчеркнута положением ног. Его руки как бы вздернуты за голову; на персонаже короткий приталенный кафтан с запахом под правую руку; лицо обращено в сторону зрителя; полустерто. Состояние высшей власти над побежденным врагом, помещенным у стремени, подчеркнуто жестом простертой вперед правой руки героя *ладонью над холкой коня*. Нельзя утверждать, что победный характер жеста

² Новомихайловская находка условно может быть названа кладом, поскольку здесь вещи «белореченского типа», найденные при случайных обстоятельствах, были собраны в сосуд турецкого времени. Обычно кувшины такой формы с ручкой, завершенной головой дракона, датируются XVI-XVII вв.

³ Принято считать, что манера запахивания халата – один из важных этнических признаков. Средневековые китайцы считали левосторонний запах варварским (тюркским), определяя его термином *цзо-жэнь*. Син Бо (XIII в.) пишет: «*Жэнь* означает 'пола'; если пола запахивается налево (*цзао*), то это называется *цзао-жэнь*» [18, с. 183, 184]. Монголы Чингисхана использовали правосторонний запах [19, с. 97, 98]. Перемена власти почти всегда сопровождалась новой регламентацией в ношении верхнего костюма. После свержения монгольской династии Юань новый китайский император издал указ о запрете на все монгольское и восстановлении формы одежды, включая головные уборы, по танскому образцу [20, с. 131]. Аналогичные явления можно наблюдать и у других народов. В 1207 г. правитель Сычуани У Си объявил о неподчинении Южной Сун и обратился за покровительством к империи Цзинь. Акция сопровождалась введением левостороннего запахивания полы одежды, что символизировало полное подчинение чжурчжэньским правителям [21, с. 219-221; 22, с. 67-69; 23]. Благодарю А. Юрченко за консультацию по историографии вопроса.

однозначен, но на определенную традицию указывает аналогичное движение руки всадника в композиции донца иранской полихромной чаши конца XII – начала XIII вв. из коллекции Харви Плотника (Harvey B. Plotnick) в Чикаго [24, p. 110, cat. no 68]. Разница лишь в положении ладони, раскрытой сверху. Всадника на иранской чаше сопровождают две босоногие фигуры, а один из них еще и простоволос; оба признака свидетельствуют о сниженном статусе героев второго ряда.

Изображений, подобных мангупскому, в искусстве развитого средневековья как будто нет, но близкая по смыслу композиция хорошо известна по позднеаварскому золотому сосуду VII-VIII вв. из клада в Надьсентмиклоше [25, 1, 2 kér]. Тюркскую принадлежность всадника, обладателя мангупского пояса выдает мужская коса; деталь костюма – монгольский халат с правым запяхом – говорит о его воинской карьере на чингисидской службе. Отдельного внимания заслуживает невысокая островерхая шапочка, подобная головному убору всадника айюбидской скульптурной фигуры второй половины XII в. из Национального музея в Дамаске [26, p. 165-175; 27, p. 56] (ср. с рисунком головного убора на изразце первой трети XIII в. из дворцовой башни-*кешка* султана 'Ала' ад-дина Кай-Кубада I в Кони [28, с. 36-37, фиг. 13]). Аналогия из Ракки, по-видимому, указывает на айюбидский вектор в культуре северного соседа – сельджукидов Рума. Альтернативу сцене воинского апофеоза мог бы составить сюжет с «Фархадом, несущим на плечах Ширин и ее коня» [29, с. 91-105; 30, pl. 31, III.101; 10, с. 106]⁴, но иконография героев иранского эпоса, в том числе положение рук Фархада (всегда согнуты в локтях с кистями перед грудью), не позволяет принять этот вариант.

Не несет функциональной нагрузки и большая обоймица поясного набора из Белореченского кургана № 8 с изображением героя – Давида (Самсона?, Мгера?, Дигениса Акрита?), борющегося со львом [14, с. 94]⁵. На ее обороте изображение китайского феникса (накладки литые)⁶. Оба – и Давид (?), раздирающий пасть льва, и феникс – цитаты из разных художественных культур Европы и Азии. Впрочем, сюжет единоборства героя со львом известен и в творчестве знаменитого Сиях-калема [33, p. 160-163, fig. 477, 478]. Деталь, свидетельствующую об адаптации изображения к ближневосточной традиции, можно видеть в завершении хвоста льва головкой дракона. Возможно, что в Анатолию⁷ эта форма пришла из искусства южного соседа, например, Сирии, где миниатюрная голова дракона на хвосте животного не-

⁴ Благодарю А.Т. Адамову за консультацию на тему иконографии сюжета с «Фархадом, несущим на плечах Ширин и ее коня».

⁵ В поисках имени героя-победителя льва существует немалый выбор; имя Дигениса Акрита позволяет назвать его изображения в греческой керамике сграффито [31, p. 57, № 49].

⁶ Генезису и семантике этого образа в Китае посвящено исследование А.Н. Чистяковой [32].

⁷ См., например, изображения «стрельцов» в бордюре стального зеркала с инкрустацией золотом из Музея Топкапи Сарай (Стамбул, инв. № 2/1792), Анатолия, начало XIII в. [34, p. 123, no. 71].

редко встречается при изображении сфинксов в декоре полихромной керамики конца XII – начала XIII вв. [35, р. 282; 36, р. 60, fig. 56; р. 166, fig. 158]. Оба поясных набора снабжены концевыми пластинами (наконечниками) с одной и той же сюжетной сценой: спешившийся лучник, за спиной которого стоит отмеченный тавром оседланный конь с красиво подвязанным хвостом, с колена стреляет в пасть льва «волшебной» стрелой (ее хвостовое оперение украшено розеткой в виде цветка). В логово льва героя приводит собака. Конь и лев переданы статично, хотя последний и изображен с поднятой правой лапой; охотник и собака – в действии. Идентичность сюжетных сцен определена общностью литейной формы, но белореченская концевая пластина ближе к первой отливке. Именно здесь видны детали убранства верхового коня, которые мастер старался не упустить: изображения жесткого седла домонгольского типа с перекинутым за переднюю луку поводом, узды и даже тавро на правой ляжке (в форме неразличимого для глаза несомкнутого кружка – такие встречаются среди ногайских тамг).

Принцип исокефалия в передаче основных фигур наводит на мысль о сюжете «героической охоты». Можно видеть сюжетную близость наших наконечников и сцены в декоре концевой пластины из Бродовского могильника (VIII в.) [37, с. 76], с той разницей, что роль проводника здесь выполняет не собака, а олень. По-видимому, интересующий нас сюжет восходит к той части «тюркского наследия», которая сформировалась еще до IX в. (ср. со сценой богатырской охоты на льва в рельефах сосуда из Коцкого городка [38, с. 28-32, № 140]. Не отразилась ли здесь огузская версия эпоса об Алпамыше, представленная «Рассказом о Бамси-Бейреке, сыне Кам-бури», входящим в состав эпического цикла «Книга моего деда Коркута» и анатолийских народных сказок о Бейреке? Отдельные элементы сказания в форме богатырской сказки у огузов восходят ко времени их жизни в составе Тюркского каганата VI-VIII вв. [39, с. 63-66], а в период сельджукского завоевания XI в. были перенесены в Анатолию [40, с. 168, 169]. Оба пояса с сюжетными концевыми пластинами на тему героической охоты на льва позволяют, учитывая то значение, которое двор и знать румских сельджуков придавали этому виду «царских» развлечений, предварительно отнести их к группе «охотничьих». Охоты, пиры и спортивные состязания, упрочающие связи между монархом, армией и правящей элитой, в средневековой Анатолии проводились в специально отстроенных пригородных садах и летних дворцах [41, р. 78-85].

К вопросу о дате. Определение даты начнем с «широкого» времени, к которому принадлежат поясные наборы. Верхнюю дату для белореченской находки мы предварительно устанавливаем по комплексу, и это, по крайней мере, время не позже второй половины XIV – рубежа XV вв. [8, с. 130-138]. Лотосы в декоре большой обоймицы мангупской находки бесспорно свидетельствуют о принадлежности пояса к периоду второй половины XIII – XIV вв.

Шестилепестковые лотосы лишь часть растительного обрамления фигуры всадника. Гибкий стебель с характерными для орнаментики монгольской эпохи трилистниками и цветочными бутонами, несомненно, заимствован из искусства Дальнего Востока. Есть, однако, деталь, выдающая непонимание резчиком литейной формы нового для него объекта рисунка: два нижних лепестка лотоса поняты им неверно. Вместо отогнутых книзу *скругленных* лепестков он изобразил привычную для себя *симметричную пальметту с завитками у основания больших узких листьев*. Этот акцент выдает руку малоазиатского исламского мастера. Некоторые детали декора кабошонов малых обоймиц и петлеобразных подвесок – трехлепестковый цветок с узкими приостренными листьями и фестончатым заполнением между ними, оттянутые книзу листья пальметт с волютами на конце в декоре подвесок – находят аналогии в декоре серебряного свадебного (?) подноса из коллекции Е. Фалькенер, датированного монетами Тадж ад-Дина Хасана Бузурга (1336-1356) [8, с. 224-225, рис. 119].

Весь остальной чеканенный растительный узор (за исключением тыльной стороны концевой накладки) составлен из S-видно изогнутых пальметт, где доминирует подтреугольный рассеченный поперечным врезом листок с завитком. Этому признаку я придаю тем большее значение, что он выполнен в манере свободного чекана и, следовательно, зависит только от ремесленной выучки мастера и его инструментария. Полупальметта с рассеченным подтреугольным листом и завитком вошла в рисунок спиралевидного побега, встречающегося преимущественно в исламской Малой Азии – Анатолии [43, р. 151, pl. 14] и в Восточном Крыму. Все крымские аналогии связаны с городищем средневекового Солхата (см., например, резной блок и замковый камень из декора медресе Солхата первой трети XIV в. [44, с. 251, 252]). Особенно выделим каменное полотно из декора портала медресе с уплощенной резьбой, с мотивами специфической полупальметты с завитком и «узла счастья» (хранилище СКАЭ ГЭ в Старом Крыму, полевой шифр СКАЭ ГЭ/94, раскоп XV). Мотив «узла счастья» один из самых распространенных в сельджукской орнаментике. Однако едва ли найдется памятник, превосходящий по насыщенности этим элементом декора портал мавзолея (*тюрге*) Ашик Паши в Киршехире (эмират Эртена, 1332-1333?) [45, р. 137, ill. 82].

По рассеченному подтреугольному листу с завитком мангупская находка входит в ядро первой восточно-крымской (крымско-малоазиатской) подгруппы памятников [8, с. 130-136]. Учитывая, что к этим вещам (всё по тому же признаку) тесно примыкает несколько более поздний поясной набор с чернью из клад у дер. Литва близ Минска, который датируется пражскими грошами первой трети XV в.⁸, мы с определенной уверенностью можем отнести основные па-

⁸ Клад из дер. Литва (Полочанский с/с Молодечненского района Минской области) – монетно-вещевой [предварительное сообщение об этом кладе см.: 8, с. 126-129]. Обстоятельства его обнаружения не вполне ясны. Проф. В.Н. Рябцевичем (Белорусский госуниверситет, кафедра

мятники подгруппы ко второй половине – концу XIV в. Рубеж XIV-XV вв. и выступает предельно поздней датой для всей малоазийско-крымской группы памятников. Тем не менее, аналогии в резьбе каменного блока из портала солхатского медресе, возведенного анатолийской артелью, позволяют предложить для мангупской находки более узкую дату в пределах середины 1330-х – 1350-х гг.

Вопросы атрибуции. Недавно Е.А. Армарчук, обратившая внимание на тождество некоторых вещей из Новомихайловского клада с белореченскими, отнесла поясные наконечники клада «...к числу *привозных киликийских изделий XIV-XV вв.* (выделено мной – М.К.) или к их местным, кавказским подражаниям» [45, с. 117]. Следует отметить, что находки Новомихайловского клада были привлечены исследовательницей к решению стоявшей перед ней основной задачи в связи с аналогичными находками в материалах борисовских погребений – вопроса о западной границе распространения вещей «белореченского типа» на стыке восточнопричерноморской и закубанской групп курганных могильников XIV-XV вв. [45, с. 116].

В одну группу с новомихайловскими Е.А. Армарчук совершенно справедливо ввела неопубликованные до сего времени находки из раскопок К.К. Мерса близ Геленджика (Гос. Эрмитаж, инв. № 6, 166-170 и др., кол. № 1109) и неизвестные мне вещи из могильников Бжид-2, исследованного в 2002 г. А.В. Шишловым, и Шабановский-2, изученного Н.Е. Берлиозовым в 2001 г. (оба последних на основании отчетов из архива ИА РАН) [45, с. 117].

В интерпретации Е.А. Армарчук новомихайловских находок мое внимание привлекла реанимация киликийской атрибуционной гипотезы, предложенной К.А. Ракитиной еще в 1940 г. [6, с. 209-216]⁹.

археологии и специальных исторических дисциплин) установлено, что клад обнаружен при грабительских раскопках в 1991-1992 гг. Первоначально находка ошибочно связывалась с окраиной небольшого городка Ракова, расположенного в 60 км на северо-запад от Минска. По данным на конец декабря 1994 г., в комплекс клада вошли 11 круглых поясных пластин, пряжка, наконечник, две квадратные накладки, составляющие единый поясной набор, и два (из четырех) пражских гроша. Более поздние разыскания привели В.Н. Рябцевича к заключению о сокрытии клада у дер. Литва, откуда происходят не менее 6191 серебряной монеты – пражских грошей, из которых 6186 экземпляров попали в музей Национального банка Белоруссии. По его мнению, это лишь часть клада. Еще пять таких же монет и три мелких ювелирных изделия из серебра с золочением попали в Национальный музей истории и культуры Белоруссии (последние обнаружены В.Н. Рябцевичем на месте находки с применением шурфовки и использованием магнитометра). Важно, что в процессе шурфовки были обнаружены две прямоугольные серебряные бляшки, которые мастер использовал для крепления к ремню больших поясных пластин. Все известные к настоящему времени монеты клада чеканены в диапазоне 1378-1419 гг. на монетном дворе Кутна Гора в Чехии (определение В.Н. Рябцевича). Вещевая часть клада представлена двумя поясными наборами (серебро с позолотой и чернью). Один из них был осмотрен мной в Национальном музее в 1997 г., а детали второго (в начале 2000-х гг. находились в частном собрании в Париже) стали известны спустя несколько лет по фотографии.

⁹ Мне, как хранителю, принявшему из рук К.А. Ракитиной Белореченскую коллекцию Эрмитажа, неоднократно приходилось обсуждать с ней проблемы генезиса вещей, относящихся

В работе К.А. Ракитиной особую роль играют два взаимосвязанных тезиса [6, с. 211, 212]. *Первый* состоит в том, что анализ ведется на примерах вещей *не местного* (северокавказского) производства, залогом чего выступает «высокая техника», характеризующая соответствующий технологический уровень их изготовления (Эрмитаж, инв. № ТБ 104, 138, 573-578, 582-584). *Второй* тезис базируется на допущении а priori о том, что вся группа вещей высокой техники не одновременна Белореченским курганам, «...и, может быть, именно эти украшения служили образцом для местного производства, т.е. с ними здесь (на Северном Кавказе – М.К.) были уже основательно знакомы, для чего, естественно, требовалось время». Диапазон временного разрыва не обосновывается, но предполагается, что украшения-образцы попадают на Северный Кавказ в XIII-XIV вв., а сам курганный могильник формируется в течение XIV – самого начала XV вв. [6, с. 212], что не совсем точно. Как известно, в кургане № 12 Н.И. Веселовским обнаружены золотоордынские монеты. В кошельке дамы из погребения кургана № 12 хранились три серебряные золотоордынские монеты: хана Гийас ад-дина Мухаммада Узбека (720 г.х. = 1320/21 г.), хана Шадибека (803 г.х. = 1401/2 г.) и недатированная монета хана Сайид Ахмада I (ок. 838 г.х. = ок. 1434/35 гг.). Разумеется, верхняя дата могильника не может замыкаться первой третью XV в. поскольку в кургане № 38 найден сосуд венецианского стекла с цветными эмалями и позолотой, дата которого не может быть определена ранее последней трети или даже конца XV в. [4, с. 20, 21, рис. 100]¹⁰. В последнее время предпринята произвольная попытка омолодить могильник, доведя его «верхнюю» дату до начала XVI в.¹¹

к коллекции. В этой связи прошу прощения у читателя за несколько строк мемориального характера. Ксению Александровну отличало сочетание научной принципиальности и строгости с доброжелательностью и сердечностью в отношениях с молодыми сотрудниками и аспирантами Отдела, каковым был и я в конце 1960-х годов. На вопрос об истоках гипотезы, отраженной в статье 1940 г., она с бесконечным уважением рассказывала о роли И.А. Орбели, работавшего в 1936-38 гг. над собственными статьями для сборника «Памятники эпохи Руставели» (Ленинград, 1938). И особенно «Введения», где сформулированы не устаревшие до сих пор идеи народности средневекового поэта и художника, идеи светской городской культуры Передней Азии времени Руставели, и почти рассеяны, как казалось тогда, «...миражи <...> вереницы туманных образов сельджукской культуры». С редким юмором она рассказывала мне о том, как директор-патерналист запер ее в своем кабинете, пообещав «освободить» молодую сотрудницу ко времени готовности статьи, смысловое решение которой, как нетрудно догадаться, исходило от самого Иосифа Абгаровича. В мое время (с 1969 г.) на научных заседаниях в Отделе Востока киликийская гипотеза как рабочая версия уже не обсуждалась.

¹⁰ Сейчас муранское стекло с эмалями датируется второй половиной XV – рубежом XVI вв. [46, р. 78, 79, 82, 83, 84, 85, 87].

¹¹ Чтение имени Саид-Ахмета (Ахмада) [см.: 47, с. 175]. Правление этого хана приходится на время около 838 г.х. [48, с. 204, прим. 5]. В.Б. Виноградов, Е.И. и Ф.Б. Нарожные считают, что монета отчеканена от имени Сайид Ахмада II, соправителя Муртада (886 г.х. = 1481 г.); однако появление этой монеты на Кубани они относят «...к периоду после 1485 года», считая, что в погребение монета могла попасть «...в самом конце XV, или, даже – начале XVI

В принципе, с обоими тезисами К.А. Ракитиной можно бы и согласиться, но, все-таки, мы не знаем темпов развития могильника, и в то же время отдельные поясные украшения, относимые к группе *высокой* техники, входят в единые комплексы поясных наборов вместе с украшениями-репликами. К таким комплексам относится и поясной набор из женского погребения кургана № 8, в который вошла великолепная фестончатая бляха с героем, разрывающим пасть льва. Я готов согласиться с предположением К.А. Ракитиной, что местом производства группы украшений, собранной вокруг поясного набора из кургана № 8, была Малая Азия, но ограничение этого поля Киликийской Арменией решительно неприемлемо. Такое определение не имеет опоры, прежде всего, в историческом контексте: в 1360 г. Киликийское армянское царство, переживающее затяжной кризис, теряет Равнинную Киликию, а в 1375 г. войска египетского султана наносят последний удар, захватив Сис, где находился патриарший престол, и Горную Киликию. Это определение не имеет опоры ни в социальной структуре киликийского общества (пояс – зеркало общественных структур государства, где власть принадлежала царю, князьям-*ларонам* и их вассалам-рыцарям, опиравшимся на воинские отряды, но наш пояс не воинский), ни в эмблематике, насыщенной парными драконами, ни, наконец, в традиции киликийского художественного металла. С этого и начнем.

В рассуждениях К.А. Ракитиной много места отдано ковшику Бердянского клада. Клад найден в 1892 г. при случайных обстоятельствах в г. Бердянке в Приазовье. В состав клада вошли ковшик из морской раковины с серебряной ручкой, фрагменты серебряной обкладки кувшинчика (тулово, возможно, из кокосового ореха, утрачено), две серебряные чашечки и 72 накладки из серебра, служившие, очевидно, украшением убора верхового коня.

Наиболее ранней вещью клада принято считать ковшик из морской раковины. И.А. Орбели предложил версию киликийского происхождения ковшика и датировал его концом XII – началом XIII вв. [50, с. 275-282]. Эта дата ошибочна, поскольку горизонтальная плоская ручка ковшика сближает его с характерными поясными чашами монгольского времени, пришедшими в Малую Азию не ранее середины XIII в. (ср. с серебряным ковшиком XIII в. из Армении [51, р. 119-126, fig. 4, 5]). В центре раковины прикреплена серебряная пластинка, *имитирующая* киликийские монеты Рубенидов. На пластинке вместо геральдического «рубенидского» льва изображен баран, а по краю медальона выбита армянская надпись с именем или, как предложил И.А. Орбели, прозвищем заказчика – «Шахук» («Царек») [50, с. 268; см. также: 40, с. 56]. Киликийская атрибуция ковшика (с уточненной датой) прочно вошла в научный обиход и была поддержана дополнительной аргументацией Б.И. Маршака

века» [49, с. 128]. Нумизмат П.Н. Петров, которому я обязан осмотром плохо сохранившейся монеты, подтвердил ее принадлежность Сайид Ахмаду I.

[52, с. 143]. Между тем, подтески на внешней стороне раковины выдают следы ремонтов, сопутствовавших жизни этого интересного памятника. В декоре миндалевидных шляпок заклепок, укрепляющих серебряную оковку у внешнего края раковины, можно разглядеть специфическую полупальметту (она же многократно повторяется в узорах ажурной обкладки кувшинчика и в пластинах конского убора, но не в декоре фестончатой ручки ковшика), по которой опознается большая группа крымского серебра XIV-XV вв. [53, с. 162, табл. VI,7]. Поэтому, не оспаривая возможности киликийской атрибуции серебряной ручки с учетом более поздней даты, я полагаю, что перемонтировка сосуда произошла в армянской среде, скорее всего, в золотоордынском Приазовье в XIV в., где была жива память о рубенидском монетном чекане (иначе нельзя объяснить появление жетона с изображением барана). Практика изготовления подобных ковшей в Причерноморье (Крыму) подтверждается находкой в 1989 (?) г. в Солхате косторезной мастерской, где обрабатывались привозные раковины, добытые в южной части Индийского океана [54, с. 100, 240]. Здесь они подвергались шлифовке и превращались в заготовки для ковшей и музыкальных инструментов. Бронзовая пластинчатая ручка для такого ковшика найдена в Херсонесе [40, табл. 42,7]. Работа солхатской косторезной мастерской датируется началом XV в. [54, с. 100, 240, кат. № 732-734].

От серебряной обкладки кувшинчика сохранились детали горловины с крышкой и пластинчатой ручкой и поддон. На горловине – нечитаемая арабская надпись. В.П. Даркевич датирует находку XIII в. и относит к сереброделию Киликии [40, с. 56]. Ни дата, ни киликийская версия происхождения этой вещи мне не кажутся приемлемыми. Обкладки сосуда, так же, как ковшик и другие вещи этого клада, должно быть, сделаны в одном из городских центров Северного Причерноморья, скорее всего, в Крыму, на рубеже XIV-XV вв. Но если серебряные чашечки с фигурным горизонтальным отгибом, как справедливо отметила Мергерет Медли, ориентированы на китайские прототипы [55, р. 12, 13], то гарнитура конского убора – на итальянские.

По-видимому, вещи клада принадлежали человеку среднего достатка, возможно, местному армянину, как-то связанному с родственной общиной неблизкой Киликии. Это не вызывает удивления, поскольку переселенцы из Киликии с конца XIV в., после падения Киликийского царства, поселяются в Крыму. Но и до падения Киликии множество армянских семей из Трапезунда, Хемшина, Баберда поселяются в Восточном Крыму. В 1357 г. из Крыма в Сис, столицу Киликийской Армении, едет младший сын известного солхатского переписчика и миниатюриста Натера [56, с. 28]. Связи западных районов Золотой Орды с Киликией документируются находками монет киликийского чекана в Белгороде-Днестровском (Монкастро) [57, с. 101]. Но сейчас важно только то, что в декоре киликийской части бердянского ковша, включая ручку и жетон с армянской надписью, нет признаков, объединяющих

ковшик с белореченскими находками. Из этого следует, что киликийская атрибуция К.А. Ракитиной не состоятельна.

Между тем, отдельного внимания в мангупской находке заслуживают присутствие прорезных (ажурных) кабошенов и структура подтреугольных композиций с головами драконов в профиль (ср. с литыми «язычками», завершающими уже упоминавшиеся концевые накладки и ту же структуру в декоре прямоугольных обоймиц с подвесными петлями из числа украшений белореченского поясного набора). Кабошоны мангупского пояса тождественны прорезному выпуклому диску большой накладки белореченского пояса из кургана № 8 [14, с. 94]. Кабошоны нередко встречаются в архитектурном декоре сельджукской Анатолии (см., например, декор южного портала Большой мечети в Дивриджи (1228/1229) или декор мечети `Ала` ал-дина Кай-Кубада I в Нигде (1223) [44, р. 86-89, ill. 68, 70]). А.В. Банк неоднократно отмечала появление в культуре восстановленной после 1261 г. Византии ближневосточных черт в керамике, в том числе, ссылаясь на «Историю» Пахимера, сосуды с именем Мухаммеда [58, с. 158; 59, S. 453-459], и в серебре [60, с. 199, 200]. При этом она не исключала, что отдельные черты восточного влияния могли быть связаны с переселенческой сельджукской волной в Византию [58, с. 158]¹². Что касается ажурных кабошенов на византийских окладах из монастыря Ватопеди на Афоне (икона св. Георгия XII в.; икона «Анна с младенцем Марией», конец XIII в.), на окладе эмалевой иконы из Эстергома (конец XIII в.), на серебряных окладах Богоматери из сокровищницы собора в Фермо (конец XIII в.) или Богоматери Одигитрии из Государственной Оружейной палаты Московского кремля (XIV в.), то одним из важнейших истоков этой декоративной формы она считала скульптурные детали св. Софии в Трапезунде [58, с. 158]¹³. Отмечу вслед за Алисой Владимировной, что в декоре фасадов св. Софии в Трапезунде Тамара и Девид Талбот Райс отмечали сельджукские корни [64, ill. 13-18; 65, ill. 33-38].

Парные головки драконов в сопровождении арабеска из пальметт – одна из самых характерных тем в искусстве сельджуков. Их изображениями насыщен декор знаменитого шелка, вытканного для Ала` ал-дина Кай-Кубада I из коллекции в Берлине [см., например: 66, S. 10-17, taf. 10, Kat. Nr. 1, 2, 5, 7, 13], их профили вырезаны в камне [см. резной фрагмент из Каратай медресе

¹² П.И. Жаворонков отметил, что восточными реалиями Никейская империя обязана как миграционным процессам у юго-восточных границ государства, так и «переселенческой политике Ватаца» [61, с. 216]. Население Сельджукского султаната на востоке Малой Азии было полиэтничным и многоконфессиональным. Здесь, в Анатолии, проживали греки, сирийцы, армяне, турки, курды, арабы, персы. Среди них находилось значительное количество христианского населения, тем более, что сельджукидская элита не противопоставляла себя представителям христианских общин [62, с. 439-441].

¹³ Вместе с этим А.В. Банк считала важным подчеркнуть армянские и грузинские истоки мотива кабошенов [58, с. 158; 62, табл. XI,33].

в Кони: 67, р. 193-216; 68, taf. 112, ill. 4; 69, р. 61-65, fig. 35-51; в ряду анатолийских аналогий выделим скульптурную композицию в декоре Чифте Минарели (Çifte Minareli) в Эрзеруме (XIII в.) – fig. 45]. Нередко изображения драконовидных существ и «узла счастья» совмещаются в одной композиции. Например, в резном декоре из Ани [63, табл. XIV, 42 (Ани, гостиница); XXXVII, 148 (драконы из Имирзека)], из цитадели Кони в Музее медресе Инчи Минарели [67, taf. 112, ill. 1, 2; 68, taf. 118, ill. 11] или в изображениях на аверсах ортукидских и сельджукских монет в Музее археологии Стамбула [68, taf. 118, ill. 6, 8]. Последнее – несомненное подтверждение благопожелательного характера изображений. Отдельно выделим аналогию парным драконам в декоре Корана 1250-1350-х гг. из Анатолии или Джазиры, принадлежащего исламской коллекции Девида Халили (инв. № QUR 433 QUR 132). Здесь изображения головок драконов вписаны в композицию «говорящего» дерева *вак-вак* [70, fig. 11] – сюжет, не чуждый и культуре Золотой Орды.

С точки зрения характеристики стиля группы сельджукских поясных украшений из Крыма и Северного Кавказа, следует остановиться на одной важной детали технологического свойства: все наиболее выразительные украшения трехслойны (принцип сэндвича). Кроющие элементы декора (*лицевая пластина*), как правило, отлиты в жесткую форму; эти детали прекрасно прорисованы и, возможно, первоначальная графика принадлежит руке опытного рисовальщика, работавшего с бумагой или тонкой кожей¹⁴. Резчик по шиферу (?) будущей литейной формы лишь повторяет рисунок, моделируя объемы. Отливка, на завершающей стадии, вероятно, подправляется штихелем. *Внутренняя пластина* декорирована ажурным орнаментом, созданным сквозной просечкой тонкого листа серебра острым резцом на жесткой наковальне. *Третья пластина* – гладко отшлифована и не уступает по толщине промежуточному листу. Сложенные вместе и скрепленные заклепками (иногда пайкой) три заготовки превращаются в законченную декоративную форму, из которой, в конечном счете, собирается тот или другой наборный пояс.

Типологическая зрелость поясных наборов, отточенность рисунка орнаментальных форм деталей гарнитуры из погребений Мангупа и Белореченского могильника позволяют предположить, что мы наблюдаем здесь развитый этап в эволюции как **сельджукского** пояса в целом, так и отдельных его элементов, включая пряжки, концевые накладки, обоймицы обоих типов, накладные бляшки и пр. Некоторые черты декора, сближающие их с византийской ремесленной традицией, например, ажурные диски-кабошоны, позволяют заключить, что ранний этап производства этих изделий сложился в Малой

¹⁴ Г.Н. Балашова, отмечая возможное разделение труда между ремесленниками и художниками XII-XIII вв., привлекла свидетельство конца XIX в., принадлежащее таджикскому писателю С. Айни. Его дядя, художник-резчик по дереву и ганчу, живший в районе Бухары, продавал свои рисунки гончарам и *калыбы* набойщикам тканей [29, с. 106, прим. 15].

Азии (Анатолии) на стыке византийского и сельджукского культурных миров, вероятно, в конце XII или в первые десятилетия XIII вв. В дальнейшем, по мере накопления материалов, появится возможность различения южнобережного черноморского импорта и местных реплик из Северного Причерноморья.

Вопросы атрибуции. Исторические контексты. Для уверенной локализации центра (или центров) производства поясных наборов, подобных мангупской или белореченской находкам, у нас, к сожалению, слишком мало археологических данных. Вместе с тем, уровень специализации ремесла, необходимый для массового производства поясной гарнитуры, предполагает наличие городской инфраструктуры, развитого рынка сбыта, доставки специальных материалов для производства – тканой основы для поясов, серебра, ртути, золота и пр., работу ремесленников смежных профессий. Всем этим, безусловно, располагали во второй половине XIII – XIV вв. города Восточного Крыма, включая Солхат, Судак и Каффу, привлекающие опытных ремесленников потенциальными заказчиками, наличием рынков сбыта и преимуществами городской инфраструктуры. С позиции предлагаемой мной малоазийско-крымской ремесленной парадигмы, Солхат и Судак имеют даже некоторые преимущества с общеисторической точки зрения. Особенно Солхат, куда после 1265 г. была поселена семья освобожденного из византийского плена иконийского султана 'Изз ал-Дин'а Кай-Кавус'а II (1246-1257; 1258-1260).

Решение о его освобождении из заточения на о. Энос, куда султан был отправлен как заложник бывшим союзником и приятелем Михаилом VIII¹⁵ после неудавшегося антивизантийского мятежа 1264 г., объясняется двумя обстоятельствами. Во-первых, 'Изз ал-Дин' еще в 1256 г. оказал сопротивление монголам Байджу, представлявшим интересы Хулагу, и тем самым подтвердил свою (и семейную во втором поколении¹⁶) приверженность к антихулагуидской линии Батуидов в Малой Азии. Во-вторых, все-таки, он был родственником Берке [61, с. 445].

Акция по освобождению 'Изз ал-Дин'а была реализована под руководством известного темника Ногая [72, р. 639-668]. Но передача «Солхата и Судака» (хроника Ибн-Биби¹⁷, XIII в. [74, S. 323]) на правах ленного владения

¹⁵ В 1256 г. Михаил Палеолог бежал в Рум к 'Изз ал-Дину Кей-Кавусу II от преследования Федора II Ласкариса. Сельджуки Рума – давние тактические союзники Никеи в борьбе против Великих Комнинов, что в свое время (1214 г.) позволило им овладеть Синопом при основателе Никейской империи Федоре I Ласкарисе (1205-1222). Характеризуя последствия этого события для *судеб византизма*, Р. Шукуров назвал его «новым Манцикертом» [71, с. 409-427].

¹⁶ Румийский султан Гийас ал-Дин Кей-Хосров II (1237-1246) принял сюзеренитет Джучидов в 1243 г. после проигранного сражения при Кёсе Даге [72, р. 269-272].

¹⁷ Полное имя автора сельджукской хроники – ал-Хусейн б. Мухаммад б. Али ал-Джафари ал-Ругади Насир ал-Дин Ибн Биби (ум. после 1284/85 г.) [краткую биографию и характеристику хроники см.: 75, с. 27-29]. Сокращенная редакция «Сельджук-намэ» сообщает, что после освобождения из византийского плена, чему немало способствовали морозы, сковавшие Дунай, султана отправили к Берке. «...Когда султан (Изз ал-Дин – М.К.) прибыл к нему (Берке),

по времени совпала со смертью Берке и утверждением в Сарае власти Менгу-Тимура, продолжавшейся с весны 1266 по весну 1267 г. Вместе с бывшим султаном из Добруджи пришла значительная группа малоазийских тюрок, поселенная в горном районе неподалеку от Судака и Солхата [73]. К сожалению, пока нет никаких объективных данных о местах их проживания, подтвержденных археологическими материалами. Согласно хронике Ибн Биби, 'Изз ал-Дин Кей-Кавус, сын султана Гийас ал-Дин'а Кай-Хусрав'а II, признававшего власть Бату, прожил в Солхате около пятнадцати лет, и отсюда же после его смерти в 1279/80 г. его сыновья отправились в Малую Азию для восстановления прав на Западную Анатолию (Конья, Аксарай, Анкара и Анталья – все эти города и территории на запад и юг от р. Кизилирмак (Kizilirmak / Halys) около середины века принадлежали 'Изз ал-Дину'¹⁸. Старший из них Мас'уд в 1280 г. стал султаном [76, с. 26; 74, s. 322, 323; 61, с. 456].

В последние годы в монетных находках с городища средневекового Солхата, в том числе и из раскопок поселения гончаров Бокаташ II в пригородной зоне (Отчет СКАЭ ГЭ за 2005 г., №№ 65, 67, 68; Отчет СКАЭ ГЭ за 2006 г., №№ 10, 61, 80, 96, 104, 119, 135, 147, 166), обнаружена серия малоазийских фельсов и пулов, в том числе с двустрочной легендой на аверсе «*Султан / ал-А'зам*» и надписью «*Гийас ад-дин ва-д-дунья*» на реверсе, эмитентом которой нумизматы предлагают считать Мас'уда II б. Кейкавуса [80, с. 328-331]. Как предполагает Е.Ю. Гончаров, монеты чеканились в Солхате или Судаке, т.е. земельных владениях семьи Гийас ал-Дина [81, с. 83-85]. Никаких прямых данных о работе малоазийских мастеров, обслуживающих интересы семьи иконийского султана, у нас нет. Однако в просопографии Солхата и его округа XIV в. имена анатолийского происхождения все же встречаются.

Натурализовавшиеся в Восточном Крыму выходцы из разных районов Малой Азии во втором поколении определяются преимущественно по *нисбам* отцов. В списках О. Акчокраклы, исследовавшего надписи надмогильных плит из сборов экспедиции Московского университета, работавшей в Солхате в 1924-28 гг., их немного – всего пять. Это, прежде всего, *Эль Кастамуни* (№ 70), *Эль Ахлати* (№ 94) [82, с. 4, 11, 12], *Эт-Токати* (№ 190), *Эс-Сиваси* (№ 227) [82, с. 2, 5, 7] и имя шейха *Якуба Коневеи* из Отуз [83, с. 15, № 1]. Очевидно, к этому списку нужно добавить надгробие 776 г.х. = 1374 г. [81, с. 3, 4, № 25] с тюркской надписью¹⁹. Имя владельца, к сожалению, все еще не прочтено, но его характеристика как *алемдара* (знаменосца) *эхи* (?) связывает его (или его отца) с традицией исламской Малой Азии. Надгробие шейха из Отуз Якуба

(Изз ал-Дину) оказали разные ласки и пожаловали в *икта* Солхад и Сутак» [76, с. 62, 63, 189-192, 203, 662; 77, с. 26; 78, vol. I, p. 300-313; 79, p. 99-101].

¹⁸ Контроль над восточными территориями, включая Кайсери, Сивас, Малатью, Эрзинджан и Эрзерум, принадлежал брату 'Изз ал-Дина Рукн ал-Дину [75, с. 155].

¹⁹ В настоящее время надгробие хранится в Отделе Востока Эрмитажа, инв. № Сол. 11.

Коневы датировано 729 г.х. = 1328 г. Приведенные имена – убедительное проявление высокого уровня связей Солхата и географически близких к нему Отуз с населением отдельных провинций сельджукской Малой Азии в XIII-XIV вв., включая столицу Румийского султаната Конию.

Поясные наборы: статус и ранг. Вопрос о статусе и ранге поясов из Крыма и Северного Кавказа не однозначен уже потому, что пояса сельджукского типа были обнаружены в могильниках разных археологических культур и к тому же вне культурного пространства исламской Малой Азии. Наш случай может показаться парадоксальным: на два поясных набора приходится три несовпадающих исторических контекста – адыго-кабардинский на Северном Кавказе, феодоритский в Горном Крыму и малоазийско-сельджукский, сформировавшийся на почве Анатолии.

С конца XIII в. и по мере нарастания переселенческой волны тюрок-сельджуков, которых Георгий Акрополит называет еще «персами» или «мусульманами» [84, с. 273]²⁰, вместе с городским плебсом и исламскими духовными авторитетами в Крым приходят ценности городских центров исламской Малой Азии. Среди них и тип сельджукского «городского» пояса на шелковой тесьме с большим количеством мелких обильно позолоченных поясных накладок и тремя обоймицами, перегруженными декором.

Статус рассмотренных нами поясов не имеет ничего общего с воинскими. Они могут быть определены условно как общегражданские «городские» или, скорее всего, с точки зрения сюжета концевых пластин, «охотничьи» (см. выше). Тип малоазийского воинского (парадного) пояса и способ его ношения можно видеть в изображении фигуры в кафтане с правым запахом на софите западной арки ниши захоронения в нартексе Св. Софии в Трапезунде (между 1238 и 1263 гг.) [64, р. 2, 156-159, fig. 122]; другой пример – изображение сидящей мужской фигуры на фрагменте тулунидской ткани [86, taf. 113, ill. 4]. Ранг мангупского пояса, как это характерно для всех средневековых сообществ Евразии, определялся принадлежностью владельца к тем или иным социальным группам, в данном случае, без выделения этнических или конфессиональных признаков. Возможно, что в тимуридскую эпоху в Иране этот тип пояса меняет свой статус и становится парадным («дворцовым»). Подлинный ранг мангупского поясного набора можно установить в сравнении с золотым поясом из Симферопольского клада. Этот стрелковый пояс выполнен в сельджукской стилистике, вероятно, *по индивидуальному заказу* в Солхате около середины XIV в. в мастерской, обслуживающей двор правителя Крыма [8, с. 114-118, 136]. Несмотря на функциональную разницу – пояс Симферопольского клада стрелковый, по набору трех обоймиц, отдельным конструктивным

²⁰ Как можно судить по изображению креста на одном из солхатских надгробий XIV в., среди анатолийских переселенцев в Крым были и несториане [85, с. 72, кат. № 210].

деталюм, включая концевую пластину, и элементам декора оба памятника принадлежат к одной группе. Однако мастерство исполнения и превосходство в отделке симферопольской находки показывают истинный *ранг памятника дворцового уровня*, чего нельзя сказать о мангупском поясном наборе, несмотря на привилегированный – в рамках княжества Феодоро – статус его владельца.

Едва ли можно сомневаться, что пояса белореченского типа служили символическими маркерами представителей отдельных этнических групп населения, во всяком случае, на Северном Кавказе. Используя терминологию арабского автора XIV в. Ибн Халдуна, можно сказать, что это пояса адыгской *асабия*²¹ – этнии с развитой иерархией. Иллюзорная близость низких социальных слоев адыгского населения к собственным элитам, выраженная в единстве типа поясного набора, давала для них надежду на жизненный успех внутри замкнутого коллектива, объединенного групповой солидарностью, поддерживала надежду на преимущества перед другими группами северокавказского населения. Это объясняет массовость находок близких по формам поясных украшений в погребальном инвентаре курганов развитого средневековья на Северо-Западном и Центральном Кавказе, где качество исполнительского мастерства отдельных привозных изделий уступает место количеству местных реплик. В Крыму этническая составляющая поясов «сельджукского стиля» малозаметна. Здесь, скорее всего, довлеет кратковременная популярность инноваций из Анатолии, которые приносят с собой мастера-эмигранты, привлеченные возможностью получения стабильных заказов дворца или крымской улицы. Первые проявления этой традиции в художественном металле прослеживаются, судя по материалам Симферопольского клада, со времени около середины XIV в.

К итогам. Итак, совокупность нарративных сведений, данных эпиграфики, архитектуры, архитектурного декора и отдельных артефактов, включая монетные и керамические находки [89; 85, с. 113-116], говорит о тесных связях Солхата с исламской Малой Азией. Наша атрибуция поясного набора из Горного Крыма позволяет предложить гипотезу о существовании в г. Солхат-Крым еще и металлообрабатывающей ремесленной традиции, восходящей к Румийскому султанату. Очевидно, что эту линию отразили не только мангупская находка, но и весь северокавказский круг ее аналогий. Напомним, что с теми же истоками связан и стрелковый поясной набор Симферопольского клада. К сожалению, на территории Анатолии мы пока не знаем находок подобного рода.

Анализ мангупской (Горный Крым) и белореченской (Северный Кавказ) находок позволил *впервые выделить поясные наборы второй половины XIV в., генетически восходящие к городской среде Анатолии.* Однако все извест-

²¹ Термин *асабия* Ибн Халдун использует в работе «Мукаддима. Введение в историю» [87]. Фр. Розенталь переводит термин *асабия* как «чувство группы» [о концепции *асабия* с точки зрения проблем теории развития истории см.: 88].

ные нам находки таких **сельджукских** поясов (и их деталей) обнаружены пока вне исламской Малой Азии. В качестве производственных центров Северного Причерноморья предполагается ремесленная база городов Восточного Крыма, из которых наиболее предпочтителен вариант Солхата-Крыма после 1265 г. Чегемская находка и множество других, которые можно отнести к разряду реплик второго порядка, свидетельствуют лишь о повышенном спросе на украшения сельджукского стиля. Близкие поясные наборы, в декоре которых доминируют латинские признаки, производились в Северном Причерноморье, скорее всего, ремесленниками Каффы, а на южном побережье, вероятно, серебряниками Трапезунда, Синопа и других приморских центров, где латинское ремесло тесно соприкасалось с местным малоазиатским.

Таким образом, сельджукская культурная традиция, получившая прививку на почве Золотой Орды, прежде всего, в Крыму и на Северном Кавказе (в отдельных его регионах по-разному)²² и известная в Крыму по архитектуре, архитектурному декору и по находкам керамики и стекла²³, не может быть сколько-нибудь полно описана без учета памятников сельджукского художественного серебра из Малой Азии и их отражения местными ремесленными центрами.

Открытыми остаются вопросы генезиса и развития сельджукского поясного набора на территории Анатолии. Их решение и верификация нашей модели в значительной мере зависит от усилий турецких коллег.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бармина Н.И. Раскопки Мангупской базилики в 2005 г. // АДСВ. Екатеринбург, 2008. Вып. 38.
2. Крамаровский М.Г. Сельджукские пояса в Крыму и на Северном Кавказе в XIV в. (предварительное сообщение) // АДСВ. Екатеринбург, 2008. Вып. 38.
3. Крамаровский М.Г. Анатолийские сельджукские пояса в Крыму и на Северном Кавказе в XIII-XIV вв. // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. Юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. Владикавказ, 2008.

²² Не могу согласиться с А.Х. Нагоевым, что содержательные несовпадения погребального инвентаря в могильниках Кабарды и Северо-Западного Кавказа связаны только с хронологическим разрывом и степенью зависимости адыгов или кабардинцев от политики Золотой Орды на Северном Кавказе. Судя по материалам Белореченского могильника, материальная составляющая погребального инвентаря здесь определялась не уровнем развития товаро-денежных отношений с городами-эмпориями Восточного Крыма, Приазовья и, возможно, Поволжья, а использованием внеэкономических средств, характерных для воинствующего анклава в государстве, теряющем контроль над собственными территориями. Конспективно это изложено мной в тезисах эрмитажных чтений 2002 г. [90, с. 51-54].

²³ В апреле 2008 г. на заседании Отдела Востока мной прочитан доклад о лампе, найденной в закрытом комплексе на поселении Бокаташ II в сезоне 2007 г. Лампа датируется XII – рубежом XIII вв. и относится к редкому типу стеклянных ламп малоазиатско-ближневосточного типа. Доклад не опубликован.

4. Отчет Императорской археологической комиссии за 1896 г. СПб., 1898.
5. Левашова В.П. Белореченские курганы // Труды ГИМ. Вып. XXII. Археологический сборник / Под ред. проф. А.Я. Брюсова. М., 1953.
6. Ракина К.А. Группа серебряных украшений из кубанских могильников XIV-XV вв. // Труды Отдела истории культуры и искусства Востока. Л., 1940. Т. III.
7. Крамаровский М.Г., Полубояринова М.Д. К характеристике городского ювелирного дела Золотой Орды // СА. 1982. № 3.
8. Крамаровский М.Г. Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб., 2001.
9. Lentz Thomas W., Lowry Glenn D. Timur and the Princely Vision. Persian Art and Culture in the Fifteenth Century. Washington; Los Angeles, 1989.
10. Адамова А.Т. Персидская живопись и рисунок XV-XIX веков в собрании Эрмитажа. СПб., 1996.
11. Soudavar Abolala. Art of the Persian Courts. Selections from the Art and History Trust Collection. New York, 1992.
12. Komaroff L., Carboni S. The Legacy of Genghis Khan. Courtly Art and Culture in Western Asia, 1256-1353. New York; New Haven; London, 2002.
13. Hoffmann B. Das Ilkhanat – Geschichte und Kultur Irans von der Mongolischen Eroberung bis zum Ende der Ilkhanzeit (1220-1335) // Dschingis Khan und seine Erben. Das Weltreich der Mongolen. Bonn, 2005.
14. Сокровища Золотой Орды. Каталог выставки / Концепция, составление и научная редакция аннотаций. М.Г. Крамаровский. СПб., 2000.
15. Нагоев А.Х. Кабардинские курганные могильники у сел. Чегем II // Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980.
16. Нагоев А.Х. Материальная культура кабардинцев в эпоху позднего средневековья (XIV-XVII вв.). Нальчик, 1981.
17. Миллер А.А. Разведки на Черноморском побережье Кавказа в 1907 г. // ИАК. СПб., 1909. Вып. 33.
18. Ванштейн С.И., Крюков М.В. Об облике древних тюрков // Тюркологический сборник. М., 1966.
19. Горелик М.В. Монгольский костюм XIII-XIV веков как имперское интегрирующее явление // IV Всесоюзная конференция востоковедов «Восток: прошлое и будущее народов». Тез. докл. и сообщ. Махачкала, 1991. Т. II.
20. У Хань. Жизнеописание Чжу Юаньчжана / Пер. с китайского А.И. Желоховцева, Л.А. Боровкиной, Н.Ц. Мункуева, под ред. В.П. Илюшечкина, пред. Л.С. Переломова. М., 1980.
21. Школяр С.А. Сычуаньский мятеж 1207 г. и его место в отношениях между государствами Южной Сун и Цзинь в начале XIII в. // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XVII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения), январь 1982. М., 1983. Ч. 1.
22. Цыбанова Д.Ц. Монгольская одежда (по дневникам европейских путешественников XIII в.) // Монголоведные исследования. Улан-Удэ, 1996. Вып. 1.
23. Гусева Л.Н. Левосторонний запах одежды чжурчженей // Россия и АТР = Russia and Pacific. Владивосток, 2005. № 2.
24. Pancaroğlu Oya. Perpetual Glory. Medieval Islamic Ceramics from the Harvey B. Plotnick Collection. Yale University Press; New Haven; London, 2007.
25. László G., Rácz I. A Nagyszentmihályi Kincs. Corvina Kiadó, Budapest, 1983.
26. Grube E.J. Islamic Sculpture: Ceramic Figurines // Oriental Art. 1966. 12.
27. L'Orient de Saladin. L'art des Ayyoubides. Exposition présentée à l'Institut du monde arabe, Paris du 23 octobre 2001 au 10 mars 2002. Gallimard, 2001.
28. Rüşhan Arik. Kubad Abad. Selçuklu Saray ve Çinileri. Istanbul, 2000.
29. Балашова Г.Н. Глиняный кувшин XII-XIII вв. с эпическими сценами // Средняя Азия и Иран. Л., 1972.

30. The Keir Colletion. Islamic Painting and the Arts of the Book / Ed. by B.W. Robinson. London, 1976.
31. Papanikola-Bakirtzi D. Byzantine Glazed Ceramics: The Art of Sgraffito. Athens, 1999.
32. Чистякова А.Н. Происхождение и эволюция образа сфинкса в культуре Китая по данным археологии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2007.
33. Raby J. Samson and Siyah Qalam // Between China and Iran. Paintings from Four Istanbul Albums / Ed. by Ernst J.Grube and Eleonor Sims. A Colloque held 23-26 June 1980. Colloquies on Art & Archaeology in Asia n 10. University of London; Percival David Foundation of Chinese Art; School of Oriental and African Studies, 1980.
34. Turks. A Journey of a Thousand Years, 600-1600 / Ed. by David J. Roxburgh. London, 2005.
35. Fjerde der Jubilaeumsskrift. Copenhagen, Davids Samling, 1970.
36. L'Orient de Saladin. L'art des Ayyoubides. Institut du monde arabe. Gallimard, 2002.
37. Отчет Императорской Археологической комиссии за 1808 г. СПб., 1810.
38. Даркевич В.П. Ковш из Хазарии и тюркский героический эпос // КСИА. 1974. Вып. 140.
39. Жирмунский В.М. Сказания об Алпамыше и богатырская сказка. М., 1960.
40. Даркевич В.П. Художественный металл Востока VIII-XIII вв. Произведения восточной торевтики на территории европейской части СССР и Зауралья. М., 1976.
41. Redford S. Landscape and the state in Medieval Anatolia: Seljuk gardens and pavilions of Alanya. Oxford, 2000;
42. The Turkish Contribution to Islamic Arts. Istanbul, 1976.
43. Земное искусство – небесная красота. Искусство ислама / Под общ. ред. М.Б. Пиотровского. СПб., 2000.
44. Kuran A. L'architecture seldjoukide en Anatolie // L'Art en Turquie. Sous la direction d'Ekrem Akurgal. Fribourg, 1981.
45. Армарчук Е.А. Позднесредневековые погребения Борисовского могильника (раскопки В.В. Саханева 1912 г.) // КСИА. 2004. Вып. 217.
46. Mille anni di arte del vetro a Venezia. Catalogo della mostra a cura di R. Barovier Mentasti, A. Gasparetto, T. Toninato. Venezia, 1982.
47. Федоров-Давыдов Г.А. Клады Джучидских монет // НЭ. М., 1960. Т. I.
48. Босворт К.Э. Мусульманские династии. Справочник по хронологии и генеалогии / Перевод с английского и примечания П.А. Грязневича. М., 1971.
49. Виноградов В.Б., Нарожный Е.И., Нарожная Ф.Б. О локализации «области Кремух» и о Белореченских курганах // Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар, 2001. Вып. 1.
50. Орбели И.А. Дорожный ковшик XII-XIII вв. // Памятники эпохи Руставели. Л., 1938.
51. Marshak B.I., Kramarovsky M.G. A Silver Bowl in the Walters Art Gallery, Baltimore (Thirteenth-century Silversmiths' Work in Asia Minor) // Iran. 1993. XXXI.
52. Маршак Б.И. К вопросу о торевтике крестоносцев // Художественные памятники и проблемы культуры Востока. Л., 1985.
53. Крамаровский М.Г. Серебро Леванта и художественный металл Северного Причерноморья XIII-XV вв. (по материалам Крыма и Северного Кавказа) // Художественные памятники и проблемы культуры Востока. Л., 1985.
54. Крамаровский М.Г. Отчет Старо-Крымской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа за 1989 г. // Архив Института археологии НАН Украины. Киев, 1989.
55. Medley M. Metalwork and Chinese Ceramics. Percival David Foundation of Chinese; Art School of Oriental; African Studies University of London, 1972.
56. Корхмазян Э.М. Армянская миниатюра Крыма (XIV-XVII вв.). Ереван, 1978.
57. Полевой Л.Л. К топографии кладов и находок монет, обращавшихся на территории Молдавии в конце XIII-XV вв. // Известия Молдавского филиала АН СССР. Кишинев, 1956. № 4(31).
58. Банк А.В. Прикладное искусство Византии IX-XII вв. Очерки. М., 1978.
59. Georgii Pachimeris. Historia de Michaelae Palaeologis et Andronico / Ed. I. Beccerus. Bonnae, 1835.

60. Банк А.В. Восточный сосуд с греческой надписью // ВВ. М., 1952. Т. V.
61. Жаворонков П.И. Западные и восточные реалии в жизни Никейской империи // Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики. СПб., 1999.
62. Коробейников Д.А. Византия и государство Ильханов в XIII – начале XIV вв.: система внешней политики империи // Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики. СПб., 1999.
63. Мapp Н.Я. Ани. Книжная история города и раскопки на месте городища. М.; Л., 1934.
64. Talbot Rice T. Decorations in the Seljukid Style in the Church of Saint Sophia of Trabezond // Beiträge zur Kunstgeschichte Asiens. In Memoriam Ernst Diez. Istanbul, 1963.
65. Talbot Rice D. The Church of Haghia Sophia at Trebizond. Edinburgh, 1968.
66. Gierlichs J. Drache, Phonix, Doppeladler. Fabelwesen in der islamischen Kunst. Museum für Islamische Kunst. Berlin, 1993.
67. Öney G. Dragon Figures in Anatolian Seljuk Art // Bulletin. 1969. XXXIII.
68. Önder M. Neu entdecete seldschukische Drachenfiguren // Ars Turcica. Akten des VI Internationalen Kongresses für Türkische Kunst. München vom 3. Bis 7. September 1979. II. Kunsthandwerk.
69. Süslü R. Özden. Recherche sur stele // Ars Turcica. Akten des VI Internationalen Kongresses für Türkische Kunst. München vom 3. Bis 7. September 1979. II. Kunsthandwerk.
70. D. Khalili collection, vol. XII. Science, Tools and Magic. By Francis Maddison and Emilie Savage-Smith. Part two. London, 1997.
71. Шукуров Р. «Новый Манцикерт» императора Федора I // Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики. СПб., 1999.
72. Cahen. Pre-Ottoman Turkey. London, 1968.
73. Wittek P. Yazijoghlu 'Ali on the Christian Turks of the Dobruja // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London. 1952. Vol. XIV, Part 3.
74. Duda H.W. Die Selttschukengeschichte des Ibn Bibi. Kopenhagen, 1959.
75. Шукуров Р.М. Великие Комнины и Восток (1204-1461). СПб., 2001.
76. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. СПб., 1884.
77. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузенем и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. М.; Л., 1941.
78. Georges Pachymères. Relations historiques. Paris, 1984.
79. Nicephorus Gregoras. Buzantina historia. Bonnae, 1829.
80. Хромов К.К. Краткая характеристика и вопросы монетной чеканки Крыма второй половины XIII века (по нумизматическим данным) // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы III Судакской междунар. науч. конф. (18-21 сентября 2006 г.). Т. II.
81. Гончаров Е.Ю. Новое имя в нумизматике Крыма XIII века // XIV Всероссийская нумизматическая конференция. СПб., 2007.
82. Акчокраклы О. Старо-крымские и отузские надписи XIII-XV вв. // ИТОИАЭ. Симферополь, 1927. Т. I(58).
83. Акчокраклы О. Старо-крымские надписи (по раскопкам 1928 г.) // ИТОИАЭ. Симферополь, 1929. Т. III(60).
84. Георгий Акрополит. История / Перевод, вступительная статья, комментарии и приложения П.И. Жаворонкова. Отв. ред. академик РАН Г.Г. Литаврин. СПб., 2005.
85. Крамаровский М.Г. Золотая Орда как цивилизация // Золотая Орда: история и культура. Каталог выставки. СПб., 2005.
86. Otto-Dorn K. Das Frühabbasidische Thronbild // Ars Turcica. Akten des VI Internationalen Kongresses für Türkische Kunst. München vom 3. Bis 7. September 1979. II. Kunsthandwerk. 1987.
87. Ibn Khaldun. The Muqaddimah: An introduction to history. Translated from the Arabic by Franz Rosenthal. New York, 1958.

88. Турчин П.В. Историческая динамика. На пути к теоретической истории / Пер. с англ. Под общей редакцией Г.Г. Малинецкого, А.В. Подглазова, С.А. Боринской. М., 2007.
89. Крамаровский М.Г. Чаша со сценой пира из Солхата // Древние памятники и культуры на территории СССР. Л., 1991.
90. Крамаровский М.Г. Белореченский могильник и вопрос о культуре провинции Кремух // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского. СПб., 2002.

Крамаровський М. Г.

**Мангупська знахідка: сельджукідські відображення
в Криму і на Північному Кавказі**

Резюме

У 2005 р. при розкопках на Мангупській базиліці (Гірський Крим) в інвентарі чоловічого поховання № 482 виявлений срібний поясний набір. Його близьку паралель знайдено в жіночому похованні кургану № 8 Білоріченського могильника (Північний Кавказ). За декором поясної пряжки з сюжетом героїчного полювання на лева обидва пояси можуть бути віднесені до групи парадних мисливських. Вони датовані другою половиною XIV століття. Аналіз мангупської та білоріченської знахідок дозволив вперше виділити пояси, що генетично сягають міського середовища ісламської Анатолії. Можна припустити, що у зв'язку з міграційними процесами, викликаними переселенською хвилею з ісламської Малої Азії до Східного Криму, тут з другої половини XIII ст. отримала розвиток нова ювелірна традиція, і мангупський пояс було виготовлено, швидше за все, у Солхаті, де з 1265 р. мешкав екс-султан Рума 'Ізз ал-Дін Кай-Кавус II (1265-1273). У зв'язку з відсутністю відомостей про подібні знахідки на території Анатолії, залишаються відкритими питання г'єнези та розвитку сельджукських поясних наборів у центрах їхнього виготовлення – в містах Румського султанату.

Крамаровский М. Г.

**Мангупская находка: сельджукидские отражения
в Крыму и на Северном Кавказе**

Резюме

В 2005 г. при раскопках на Мангупской базилике (Горный Крым) в инвентаре мужского погребения № 482 обнаружен серебряный поясной набор. Его близкая параллель найдена в женском погребении кургана № 8 Белореченского могильника (Северный Кавказ). По декору поясной пряжки с сюжетом героической охоты на льва оба пояса могут быть отнесены к группе парадных охотничьих. Они датированы второй половиной XIV века. Анализ мангупской и белореченской находок позволил впервые выделить пояса, генетически восходящие к городской среде исламской Анатолии. Можно предположить, что в связи с миграционными процессами, вызванными переселенческой волной из исламской Малой Азии в Восточный Крым, здесь со второй половины XIII в.

получила развитие новая ювелирная традиция, и мангупский пояс был изготовлен, скорее всего, в Солхате, где с 1265 г. проживал экс-султан Рума 'Иzz ал-Дин Кай-Кавус II (1265-1273). В связи с отсутствием сведений о подобных находках на территории Анатолии, остаются открытыми вопросы генезиса и развития сельджукских поясных наборов в центрах их изготовления – в городах Румского султаната.

Kramarovsky M. G.

Mangup Find: Seljuqs Reflections in Crimea and in the Northern Caucasus

Summary

In 2005 during the excavations in Mangup basilica (Mountainous Crimea) in the equipment of male burial No 482 a silver belt set was found. A close parallel to it was found in female burial in mound No 8 of Belorechka cemetery (Northern Caucasus). According to decoration of belt buckle with the plot of heroic hunt for a lion both belts can be attributed to the group of main hunting ones. They are dated back by the second half of the 14th century. The analysis of Mangup and Belorechka finds for the first time enabled to mark belts genetically originating from the city environment of Islamic Anatolia. One can suppose that due to the migration processes caused by the wave of moving from Islamic Minor Asia into the Eastern Crimea here since the second half of the 13th century a new jeweller tradition got its development, and Mangup belt was most probably manufactured in Solkhat where since 1265 ex-sultan of Ruma 'Izz al-Din Kai-Kavus II (1265-1273) lived. Due to the lack of information on similar finds on the territory of Anatolia, the problems of genesis and development of Seljuqs belt sets in the centres of manufacturing – the cities of Ruma sultanate are still open.

Рис. 1. Серебряный поясной набор из мужского погребения № 482 Мангупской базилики (Крым).

Рис. 2. Серебряный поясной набор из женского погребения кургана № 8 Белореченского могильника (Северный Кавказ).